

Субъект и власть

1982 [1].

Идеи, о которых я хотел бы поговорить, не заменяют ни теорию, ни методологию.

Сначала я хотел бы сказать о том, какова была цель моей работы за последние двадцать лет. Она состояла не в том, чтобы анализировать феномены власти, и не в том, чтобы заложить основы такого анализа. Скорее, я попытался написать историю различных режимов субъективации человека в нашей культуре; с этих позиций я проанализировал три режима объективации, которые преобразуют людей в субъекты.

Прежде всего, существуют различные способы исследования, стремящиеся получить статус науки; я имею в виду, например, объективацию говорящего субъекта в универсальной грамматике, филологии и лингвистике. Или же (речь идет все еще об этом первом способе исследования) объективацию производящего субъекта, субъекта работающего — в экономике и анализе богатств. Или еще — возьмем третий пример — об объективации самого факта жизни — в естественной истории или в биологии.

Во второй части своих трудов я изучал объективацию субъекта в том, что я назову «разделяющими практиками». Либо субъект разделен внутри самого себя, либо разделен другими. Этот процесс превращает его в объект. Такую тенденцию иллюстрирует разделение на безумца и человека в здравом уме, на больного и здорового, на преступника и законопослушного гражданина.

Наконец, я попытался изучить — и сейчас я работаю над этим — способ, каким человек трансформируется в субъект; я сориентировал свои исследования на сексуальность, например на способ, каким человек научился распознавать себя в качестве субъекта некоей «сексуальности».

Следовательно, общую тему моих исследований образует не власть, но субъект.

Правда, я был вынужден пристально заинтересоваться и вопросом власти. Я быстро понял, что если человеческий субъект вступает в производственные отношения и в отношения осмысления, то в равной степени он входит в отношения со властью, отличающиеся большой сложностью. И вот, оказалось, что благодаря экономической истории и экономической теории мы располагаем адекватными инструментами для изучения производственных отношений; аналогично этому, лингвистика и семиотика дают нам инструменты для изучения отношений осмысления. Но в том, что касается отношений власти, специфических механизмов изучения выработано не было; мы прибегали к способам мыслить власть, которые опирались то на юридические модели (кто легитимирует власть?), то на модели институциональные (что такое государство?).

Следовательно, возникла необходимость расширить измерения определения власти, если мы хотим воспользоваться этим определением ради изучения объективации субъекта.

Есть ли у нас потребность в теории власти? Поскольку всякая теория предполагает предварительную объективацию, то ни одна из них не может служить основой для аналитической работы. Но аналитическая работа не может проводиться без концептуализации рассматриваемых проблем. А эта концептуализация предполагает критику — постоянную верификацию.

Прежде всего, следует уточнить то, что именно я буду называть «концептуальными потребностями». Под этим я подразумеваю, что концептуализация не должна основываться на теории объекта: концептуализированный объект — не единственный критерий пригодности концептуализации. Нам необходимо познавать исторические условия, мотивирующие тот или иной тип концептуализации. Нам необходимо иметь историческое сознание ситуации, в которой мы живем.

Во-вторых, следует уточнить тип реальности, с какой мы имеем дело.

Журналист влиятельной французской газеты однажды выразил удивление: «Почему столько людей поднимают сегодня вопрос о власти? Так ли уж важна эта тема? И так ли уж важно, чтобы мы могли об этом говорить, не учитывая других проблем?»

Это удивление ошеломило меня. Мне трудно поверить, что понадобилось ждать весь XX век, чтобы этот вопрос был наконец поставлен. Ведь как бы там ни было, власть — не только теоретический вопрос, но и нечто, являющееся частью нашего опыта. Сошлюсь лишь на две «патологических формы» власти; эти две «болезни власти» — фашизм и сталинизм. Одна из многочисленных причин, в силу которых они приводят нас в такое замешательство, заключается в том, что вопреки всей их исторической неожиданности они отнюдь не являются оригинальными. И фашизм, и сталинизм использовали и расширили механизмы, уже имевшиеся в других обществах. Но и не только это: несмотря на свою внутреннюю иррациональность, они в значительной мере воспользовались идеями и методами нашей политической рациональности.

Мы нуждаемся в новой экономии отношений власти — я употребляю здесь слово «экономия» в теоретическом и практическом смысле. Выражаясь иначе: после Канта роль философии состоит в том, чтобы воспрепятствовать разуму выйти за пределы того, что дано в опыте; но после этой эпохи — т. е. после развития современного государства и политического управления — философия взяла на себя функцию контроля над чрезмерными полномочиями политической рациональности. А это предъявляет к философии высокие требования.

Мы перечислили в высшей степени банальные факты, их знает каждый. Но от того, что они банальны, они не перестают существовать. Сталкиваясь с банальными фактами, следует обнаружить — или, по меньшей мере, попытаться обнаружить, — какая конкретная и, возможно, оригинальная проблема с ними сопрягается.

Связь между рационализацией и избытком политической власти очевидна. И мы не должны дожидаться торжества бюрократии или возникновения концентрационных лагерей, чтобы

признать существование связей такого типа. Но тогда встает следующая проблема: что нам делать с такой очевидностью?

Может быть, необходимо устроить судебный процесс над разумом? По-моему, нет ничего более бесплодного. Прежде всего, из-за того, что пространство, приоткрывающееся нам, не имеет ничего общего ни с виновностью, ни с невиновностью. Затем — потому, что абсурдно ссылаться на разум как на категорию, противоположную неразумию. Наконец, оттого, что такой процесс обрек бы нас на произвольную и скучную роль рационалистов или иррационалистов.

Может быть, нам следует попытаться проанализировать тот тип рационализма, что кажется присущим нашей современной культуре и укоренен в эпохе Просвещения? Таким был подход некоторых представителей Франкфуртской школы. Однако же моя цель — не дискуссия относительно их трудов, сколь бы важными и ценными они ни были. Скорее, моя цель — предложить другой способ анализа отношений между рационализацией и властью.

Несомненно, разумнее не рассматривать рационализацию общества или культуры глобально, но, скорее, анализировать процесс в самых разнообразных сферах, каждая из которых отсылает к собственному основополагающему опыту: безумие, болезнь, смерть, преступление, сексуальность и т. д.

Полагаю, что слово «рационализация» опасно. Что надо делать, так это анализировать конкретные рациональности, а не постоянно ссылаться на общий прогресс рациональности.

Даже если Просвещение (*Aufklärung*) и образует весьма важную фазу нашей истории и развития политической технологии, я полагаю, что надо добраться до гораздо более отдаленных процессов, если мы хотим понять, посредством каких механизмов мы оказались пленниками собственной истории.

Здесь я хотел бы предложить другой тип подхода к новой экономике отношений власти, сразу и более эмпирический, и более непосредственно соотнесенный с нашей сегодняшней ситуацией, и, вдобавок, имеющий в виду отношения между теорией и практикой. Этот новый способ исследований состоит в том, что мы принимаем формы сопротивления разным типам власти за отправную точку. Или — пользуясь другой метафорой — он заключается в использовании такого сопротивления в качестве химического катализатора, позволяющего выделить отношения власти, увидеть, куда они вписываются, обнаружить их точки применения и методы, используемые в таких отношениях. Речь идет не столько о том, чтобы анализировать власть с точки зрения ее внутренней рациональности, сколько о том, чтобы анализировать отношения власти через сопоставление их стратегий.

Например, чтобы понять, что общество понимает под «разумностью», может быть, надо проанализировать, что происходит в сфере умопомешательства. И — аналогичным образом — проанализировать, что происходит в сфере беззакония, чтобы понять, что мы имеем в виду, когда говорим о законности. Что же касается отношений власти, то чтобы понять, в чем они заключаются, может быть, надо проанализировать формы сопротивления, а также усилия, направленные к тому, чтобы попытаться разложить эти отношения.

В качестве отправной точки я предлагаю рассмотреть некоторые разновидности противодействия, развившиеся за последние годы: противодействие власти мужчин над женщинами, власти родителей над их детьми, власти психиатрии над душевнобольными, власти администрации над тем, как живут люди.

Недостаточно сказать, что это противодействие представляет собой борьбу с властью; необходимо попытаться определить точнее, что у них общего.

1) Это «трансверсальная» борьба; тем самым я имею в виду, что она не ограничивается конкретными странами. Разумеется, некоторые страны способствуют ее развитию и облегчают ее распространение, но борьба эта не ограничивается каким-то конкретным типом политического или экономического управления.

2) Цели такой борьбы — последствия осуществления власти. Например, упреки, обращаемые к профессии врача, прежде всего, состоят не в том, что она представляет собой предприятие с целью получения наживы, но в том, что врачи бесконтрольно осуществляют власть над телами и здоровьем индивидов, над их жизнью и смертью.

3) Это «непосредственная» борьба, и притом по двум причинам. В первую очередь, оттого, что люди критикуют ближайшие к ним инстанции власти; те, что осуществляют воздействие на индивидов. Они ищут не «врага № 1», а врага непосредственного. Кроме того, они не считают, что решение их проблем может располагаться в каком-то будущем (т. е. в обещании освобождения, революции, в завершении классовой борьбы). По отношению к теоретической шкале объяснения или к революционным порядкам, которые поляризуют историков, это борьба анархическая.

Но не в этом заключаются наиболее оригинальные свойства такой борьбы. Их специфический характер, скорее, определяется так:

4) Это борьба, подвергающая сомнению статус индивида: с одной стороны, она утверждает право на различие и подчеркивает все, что может сделать индивидов действительно индивидуальными. С другой же стороны, она обрушивается на все, что может изолировать индивида, отрезать его от других, расколоть жизнь сообщества, принудить индивида замкнуться в себе и привязать его к его собственной идентичности.

Об этой борьбе нельзя сказать, что она «за» или «против» индивида, но она противостоит тому, что можно было бы назвать «управлением через индивидуализацию».

5) Такая борьба заключается в сопротивлении таким последствиям власти, которые связаны со знанием, с компетенцией и с квалификацией. Она противодействует привилегиям знания. Но эта борьба противодействует еще и тайне, деформации и всему, что может быть мистификаторского в представлениях, которые она навязывает людям.

Во всем этом нет ничего «сциентистского» (т. е. никакой догматической веры в ценность научного знания), но нет и скептического или релятивистского отказа от всякой засвидетельствованной истины. Под сомнение ставится именно способ циркуляции и функционирования знания, его отношения с властью. Словом, режим знания.

б) Наконец, все современные разновидности борьбы сводятся к одному и тому же вопросу: кто мы такие? Они представляют собой отказ от этих абстракций, отказ от насилия, осуществляемого экономическим и идеологическим государством, которое игнорирует, что мы представляем собой индивидуально; а также отказ от научных или административных расследований, обуславливающих нашу идентичность.

Подводя итоги, скажем, что основная цель этого выступления — борьба не столько с тем или иным институтом власти, той или иной группой, тем или иным классом, той или иной элитой, — сколько с конкретной техникой или формой власти.

Эта форма власти распространяется непосредственно на повседневную жизнь, что классифицирует индивидов по категориям, характеризует их через их собственную индивидуальность, привязывает их к их идентичности, навязывает им закон истины, которую им следует признать и которую другие должны признать для них. Эта форма власти трансформирует индивидов в субъектов. Существует два смысла слова «субъект»: субъект², подчиненный другому через контроль и зависимость, и субъект, связанный с собственной идентичностью благодаря самосознанию или самопознанию. В обоих случаях это слово имеет в виду форму власти, которая поработывает и угнетает.

Обобщая, можно сказать, что существует три типа борьбы: те, что противостоят формам господства (этническим, социальным и религиозным); те, что изобличают формы эксплуатации, отделяющие индивида от производимого им; и те, что борются со всем, что привязывает индивида к самому себе и тем самым обеспечивает его подчинение другим (борьба против подчинения, против различных форм субъективности или порабощения).

История изобилует примерами всех этих трех типов социальной борьбы — они встречаются и в отдельности, и в разных сочетаниях. Но даже если эти разновидности борьбы сочетаются между собой, почти всегда имеется господствующая. В феодальных обществах, например, преобладают формы этнического или социального господства, но и экономическая эксплуатация может также быть важной составляющей.

В XIX же веке на первый план выдвинулась борьба с эксплуатацией.

Сегодня же преобладает именно борьба против порабощения — против подчинения субъективности³, даже если борьба против господства и борьба с эксплуатацией не исчезли.

У меня складывается впечатление, что наше общество сталкивается с этим типом борьбы не впервые. Поскольку все движения, имевшие место в XV и XVI вв., находили выражение и оправдание в Реформации, их следует понимать как приметы крупнейшего кризиса, затронувшего западный опыт субъективности, и как признаки бунта против того типа религиозной и моральной власти, который наделил формой эту субъективность в Средние века. Ощущавшаяся тогда потребность в непосредственной причастности к духовной жизни, в работе по спасению души, в истине Великой Книги — все это свидетельствует о борьбе за новую субъективность.

Я знаю, какие тут можно выдвинуть возражения. Можно сказать, что все типы порабощения являются всего лишь производными феноменами, последствиями других экономических и социальных процессов: производительных сил, классовых конфликтов и идеологических структур, определяющих те типы субъективности, к которым обращаются.

Очевидно, механизмы порабощения изучать невозможно, не принимая во внимание их отношения к механизмам эксплуатации и господства. Но эти механизмы подчинения не образуют просто «конечного пункта» развития других, более фундаментальных механизмов. Они поддерживают сложные и циклические отношения с другими формами.

Причина, в силу которой в нашем обществе преобладает борьба именно против порабощения, объясняется тем, что после XVI в. непрерывно развивалась новая форма политической власти. Каждый знает, что эта новая политическая структура — государство. Но большую часть времени государство воспринималось как тип такой политической власти, которая игнорирует индивидов и занимается только интересами сообщества или же — это необходимо признать — определенного класса или группы избранных граждан.

Это совершенно правильно. Однако же я хотел бы подчеркнуть факт, что государственная власть — вот в чем одна из причин ее силы — представляет собой сразу и глобализующую, и тотализирующую форму власти. Я полагаю, что в истории человеческих обществ никогда — и даже в древнекитайском обществе — в рамках тех же самых политических структур не существовало такого сложного сочетания технологии как индивидуализации, так и тотализирующих процедур.

Это объясняется тем фактом, что современное западное государство интегрировало в новой политической форме старую технику власти, возникшую в христианских институтах. Назовем эту технику власти пастырской властью.

И для начала несколько слов об этой пастырской власти.

Часто говорят, что христианство способствовало возникновению кодекса этики, фундаментально отличающегося от античного. Но, как правило, куда меньше настаивают на том, что христианство предложило и распространило во всем античном мире новые отношения власти.

Христианство является единственной религией, имеющей церковную организацию. И образуя Церковь, христианство теоретически постулирует, что некоторые индивиды, благодаря своему положению в религии, способны обслуживать других не в качестве князей, судей, пророков, предсказателей, благотворителей или воспитателей, но именно как пастыри. Как бы там ни было, это слово обозначает совершенно конкретную форму власти.

1) Это форма власти, конечная цель которой — обеспечить спасение индивидов в ином мире.

2) Пастырская власть — не просто форма власти, которая чем-то распоряжается; она также должна быть готовой принести себя в жертву ради жизни и спасения паствы.

Следовательно, в этом она отличается от суверенной власти, требующей самопожертвования со стороны подданных, дабы спасти трон.

3) Это форма власти, которая заботится не только о сообществе как целом, но и о каждом конкретном индивиде на протяжении всей его жизни.

4) Наконец, эта форма власти не может осуществляться без знания о том, что происходит в головах людей, без исследования их душ, без принуждения их к раскрытию своих наиболее интимных тайн. Она имеет в виду познание сознания (совести) и способность управлять им (ею).

Эта форма власти ориентирована на спасение (в противоположность политической власти). Она является жертвенной (в противоположность принципу суверенитета) и индивидуализирующей (в противоположность власти юридической). Она коэкстенсивна жизни и ее продолжению; она связана с производством истины — истины самого индивида.

Но — скажете вы мне — все это принадлежит истории; пастырская власть если не исчезла, то, по меньшей мере, утратила основные черты, способствовавшие ее действенности.

Это справедливо, но я полагаю, что необходимо различать два аспекта пастырской власти: церковную институционализацию, которая исчезла или как минимум утратила свою мощь, начиная с XVIII в.; и функцию этой институционализации, которая распространилась и развилась за пределами церковных институтов.

К XVIII в. возникло новое важное явление: новое распределение, новая организация этого типа индивидуализирующей власти.

Я считаю, что «современное государство» необходимо рассматривать не как сущностное понятие, развившееся за счет презрения к индивидам, при игнорировании того, чем они являются — вплоть до их жизни, но, напротив, как чрезвычайно продуманную структуру, куда индивиды могут интегрироваться при одном условии — если такой индивидуальности придадут новую форму и если ее подчинят совокупности специфических механизмов.

В каком-то смысле в государстве можно усматривать некую матрицу индивидуальности или новую форму пастырской власти.

По поводу этой новой пастырской власти я хотел бы добавить несколько слов.

1) В ходе ее эволюции мы наблюдаем изменение цели. Мы переходим от заботы обеспечивать благоденствие людей в ином мире к тому, чтобы обеспечивать его на земле. А в этом контексте слово «благоденствие» наделяется несколькими смыслами: оно означает «здоровье», «благополучие» (т. е. должный уровень жизни, достаточные ресурсы), «безопасность», «защиту от несчастных случаев». Определенное количество «земных» целей заменяет религиозные цели традиционной пастырской власти — и происходит это тем легче, что эта последняя по разным причинам всегда дополнительно назначала себе также и некоторые из земных целей; стоит лишь подумать о роли медицины и о ее социальной функции, которую длительное время сохраняли как католическая, так и

протестантская Церкви.

2) Одновременно мы наблюдаем и укрепление административных функций пастырской власти. Иногда эта форма власти осуществлялась государственным аппаратом или, по крайней мере, таким общественным институтом, как полиция. (Не будем забывать, что институт полиции был создан в XVIII в. не только для поддержания порядка и закона и не только для помощи правительствам в борьбе с их врагами, но и для обеспечения снабжения городов, для гигиенических мероприятий, здравоохранения и всего того, что считалось необходимым для развития ремесленничества и коммерции.) Иногда власть осуществлялась частными предприятиями, обществами помощи, благотворителями и филантропическими организациями. С другой стороны, такие старые институты, как, например, семья, тоже привлекались для выполнения пастырских функций. Наконец, власть осуществлялась такими сложными структурами, как медицина, которая включала в себя сразу и частные инициативы (продажу услуг на основе рыночной экономики), и некоторые публичные институты, например, больницы.

3) Наконец, разнообразие целей и носителей пастырской власти позволило концентрировать развитие знания о человеке вокруг двух полюсов: один, глобализующий и количественный, касался всего населения; другой, аналитический, касался индивида.

Одним из последствий этого стало, что пастырская власть, которая на протяжении столетий — а фактически, более тысячелетия — была связана с весьма конкретным религиозным институтом, внезапно распространилась на множество социальных тел; она нашла себе опору в большом количестве институтов. И — вместо большей или меньшей сопряженности пастырской власти и власти политической, вместо большего или меньшего их соперничества — мы увидели развитие индивидуализирующей «тактики», характерной для целого ряда разнообразных властей: семьи, медицины, психиатрии, воспитания, работодателей и т. д.

В конце XVIII в. Кант опубликовал в немецком журнале «Берлинер Монатсрифт» очень короткий текст, названный им «Was heisst Aufklärung?»⁴. Этот текст длительное время считали второстепенным — и считают таковым до сих пор.

Но я считаю его одновременно и поразительным, и интересным, из-за того, что впервые нашелся философ, который поставил себе в качестве философской задачи анализ не только системы или метафизических основ научного знания, но и недавнего, злободневного исторического события.

Когда в 1784 г. Кант задает вопрос: «Что такое Просвещение?», то он имеет в виду: «Что происходит в этот момент? Что происходит с нами? Каков этот мир, этот период, это время, в которое мы живем?»

Или — в другой формулировке: «Кто мы?» Кто мы как Aufklärer, как свидетели этого века Просвещения? Сравним с картезианским вопросом: кто я? Кто я, как единственный в своем роде, но универсальный, а не исторический субъект? Кто я — потому что Декарт — это все, где угодно и в любой момент.

Но вопрос, поставленный Кантом, звучит иначе: кто мы именно в данный момент истории? Этот вопрос относится к анализу и нас, и нашей нынешней ситуации.

Этот аспект философии становится все важнее. Стоит лишь подумать о Гегеле, о Ницше...

Другой аспект, аспект «универсальной философии», не исчез. Но критический анализ мира, где мы живем, приобретает все более важное философское значение. Несомненно, наиболее непреложная философская проблема — проблема современной эпохи, той, где мы находимся именно в этот момент.

Без сомнения, основная цель сегодня — не обнаруживать, но отвергать то, чем мы являемся. Нам следует вообразить и построить то, чем мы могли бы стать, если мы хотим избавиться от той разновидности «двойного политического принуждения», которое слагается из одновременной индивидуализации и тотализации структур современной власти.

В заключение можно сказать, что одновременно политическая, этическая, социальная и философская проблема, поставленная перед нами сегодня — попытаться освободить не индивида от государства и его институтов, но нас от государства и от связанного с ним типа индивидуализации. Нам следует выдвигать новые формы субъективности, отвергая тип индивидуальности, навязывавшийся нам в течение нескольких столетий.

Как осуществляется власть?

Для некоторых ставить вопросы о власти, начинающиеся со слова «как», означает ограничиваться описанием последствий власти, не соотнося их ни с ее причинами, ни с ее природой. Это означает превращение власти в такую таинственную субстанцию, когда мы остерегаемся задавать вопросы ей самой, несомненно, оттого, что предпочитаем не «ставить ее под сомнение». В механизме власти, которой не дается объяснения, многие подозревают некий фатализм. Но разве само наше недоверие не показывает, что мы сами предполагаем, что власть есть нечто существующее изначально, с одной стороны, по самой своей природе, с другой, и, наконец, в своих проявлениях.

Если я временно ставлю на первое место вопрос «как», то не потому, что мне хотелось бы исключить вопросы, начинающиеся со «что» и «почему». Я хочу поставить их иначе; точнее говоря, я хочу узнать, правомерно ли воображать такую власть, которая объединяет в себе и «что», и «почему», и «как». Грубо говоря, я хотел бы начать анализ с «как», чтобы заронить подозрение в том, что власти не существует; чтобы задаться вопросом, какие означаемые содержания можно иметь в виду, употребляя этот величественный, глобализирующий и субстанцифицирующий термин; чтобы поставить вопрос, не ускользает ли от нас целая совокупность весьма сложных реалий, когда мы без конца топчемся на месте, задавая два вопроса: «Что такое власть? Откуда исходит власть?» Простой вопрос, совершенно плоский и эмпирический: «Как это происходит?», который мы как бы посылаем на разведку, имеет своей функцией не «протащить тайком» метафизику или онтологию власти, но попытаться провести критическое исследование на тему власти.

1. «Как» не в смысле «как это проявляется?», но в смысле «как это осуществляется?», как происходит то, что люди, как говорится, проявляют свою власть над другими?

От этой власти, прежде всего, следует отличать власть, которую мы осуществляем над вещами и которая наделяет нас способностью видоизменять, использовать, потреблять или разрушать их — власть, отсылающая к способностям, непосредственно свойственным телу или же опосредованным через инструменты. Скажем, что речь здесь идет о «способностях». Но власть, об анализе которой идет речь здесь, характеризует то, что в ней задействованы отношения между индивидами (или между группами). Ибо не следует ошибаться: если мы говорим о власти законов, институтов или идеологий, если мы говорим о структурах или механизмах власти, то исключительно в той мере, в какой — как мы предполагаем — «некоторые» осуществляют некую власть над другими. Термин «власть» обозначает отношения между «партнерами» (тем самым я имею в виду не систему взаимодействия, но попросту — пока что прибегая к наиболее широким обобщениям — множество действий, индуцирующих друг друга и друг на друга реагирующих).

Отношения власти следует отличать от отношений коммуникации, передающих информацию через язык, знаковую систему, или какую-нибудь другую символическую среду. Несомненно, коммуникация всегда означает некоторый способ воздействия на другого или других. Но производство и циркуляция означающих элементов могут иметь целью или последствиями и последствия власти, причем последние — не просто аспект первых. Независимо от того, проходят ли отношения власти через системы коммуникации, отношениям власти свойственна определенная специфичность.

Не следует смешивать «отношения власти», «отношения коммуникации» и «объективные способности». Это не означает, что речь идет о трех отдельных областях; не означает это и того, что, с одной стороны, мы имеем сферу вещей, целенаправленной техники, труда и преобразования реальности; с другой — сферу знаков, коммуникации, взаимности и изготовления смысла; наконец — сферу господства средств принуждения, неравенства людей и воздействия одних людей на других. Речь идет о трех типах отношений, которые на самом деле всегда между собой переплетены, дают друг другу опору и служат друг для друга инструментами. Задействование объективных способностей в их самых элементарных формах предполагает отношения коммуникации (независимо от того, идет ли речь о предварительно получаемой информации или о распределении труда); оно также связано с отношениями власти (независимо от того, идет ли речь об обязательных задачах, о поступках, навязываемых традицией или ученичеством, о более или менее обязательном разделении или распределении труда). Отношения коммуникации имеют в виду целенаправленную деятельность (пусть даже всего лишь «правильное» использование означающих элементов) и, на основании одного лишь факта, что они видоизменяют информационное поле партнеров, они индуцируют последствия власти. Что же касается самих отношений власти, то в своей чрезвычайно важной части они осуществляются через производство и обмен знаков; кроме того, теперь они едва ли отделимы от

целенаправленной деятельности, независимо от того, идет ли речь об отношениях, позволяющих осуществлять эту власть (будь то техника муштры, методы господства, способы добиться повиновения), или же об отношениях, обращающихся для своего разворачивания к отношениям власти (например, в разделении труда и иерархии задач).

Разумеется, координация между тремя упомянутыми типами отношений не является ни единообразной, ни постоянной. В каждом данном обществе не существует общего типа равновесия между разновидностями целенаправленной деятельности, системами коммуникации и отношениями власти. Существуют, скорее, различные формы, различные места и различные обстоятельства, когда эти взаимоотношения устанавливаются по какой-нибудь конкретной модели. Но существуют и «блоки», в которых взаимная подстройка способностей, коммуникационных сетей и отношений власти образуют регулируемые и согласованные системы. Возьмем, например, школу: ее пространственное обустройство, управляющий ее жизнью педантичный регламент, организованную в ней деятельность, разнообразных персонажей, которые там обитают и встречаются между собой — у каждого из этих элементов есть некая функция, некое место, характерное лицо; все это образует «блок» способность—коммуникация—власть. Деятельность, которая обеспечивает обучение, профессиональную подготовку или приобретение типов поведения, развертывается через целую совокупность разновидностей управляемой коммуникации (уроки, вопросы и ответы, приказы, увещевания, кодифицированные знаки повиновения, дифференцированные признаки «ценности» каждого индивида и уровней знания), а также через целый ряд методов, используемых властью (заточение, надзор, вознаграждение и наказание, пирамидальная иерархия).

Эти блоки или задействие технических мощностей, взаимодействие коммуникации и отношений власти подстраиваются друг к другу по продуманным формулам, образуют то, что, слегка расширяя смысл этого слова, можно назвать «дисциплинами». Как раз поэтому эмпирический анализ некоторых дисциплин в том виде, как они сложились исторически, представляет известный интерес. Прежде всего потому, что дисциплины — согласно искусственным образом проясненным и процеженным схемам — показывают способ, каким могут сочетаться системы объективной целенаправленности, коммуникаций и власти. И потому, что дисциплины демонстрируют столь разнообразные модели сочетания (то с преобладанием отношений господства и повиновения, как в дисциплинах монашеского или пенитенциарного типа; то с преобладанием целенаправленной деятельности, как в дисциплинах мастерских или больниц; то с преобладанием отношений коммуникации, как в дисциплинах ученичества; то с использованием всех трех типов отношений, как, может быть, в военной дисциплине, где обилие знаков до избыточности знаменует собой жесткие и тщательно рассчитанные отношения власти, чтобы получить известное количество технических последствий).

А под дисциплинаризацией обществ, происходящей в Европе с XVIII в., разумеется, надо понимать не то, что входящие в эти общества индивиды становятся все более покорными, как и не то, что все эти общества начинают походиться на казармы, школы или тюрьмы; под этим следует понимать то, что идут поиски все более контролируемого — все более рационального и экономичного — прилаживания друг к другу производственной деятельности, коммуникационных сетей и взаимодействия между отношениями власти.

Следовательно, приступить к теме власти с анализа вопросов, начинающихся с «как», означает осуществить некоторые критические сдвиги в отношении к гипотезе некоей основополагающей власти. Это означает сделать объектом анализа отношения власти, но не власть; отношения власти, отличающиеся как от объективных способностей, так и от отношений коммуникации; наконец, отношения власти, которые можно постичь во всем разнообразии их сочетаний с упомянутыми способностями и отношениями коммуникации.

2. В чем состоит специфичность отношений власти ?

Осуществление власти — это не просто отношения между индивидуальными или коллективными «партнерами»; это способ воздействия некоторых людей на некоторых других людей. Это, разумеется, означает, что нет такой власти, которая существовала бы глобально, как нечто сплошное или в диффузном, концентрированном или рассеянном состоянии: существует лишь такая власть, посредством которой «одни» воздействуют на «других»; власть существует только в действии, даже если, само собой разумеется, она вписывается в поле разрозненных возможностей, основанных на перманентных структурах. Это означает также, что власть не принадлежит к порядку согласия; сама по себе власть не является ни отказом от свободы, ни передачей прав, ни властью всех и каждого, делегированной некоторым (что не препятствует тому, чтобы согласие могло быть условием существования и сохранения отношений власти); отношения власти могут быть следствием предварительного или перманентного согласия; по собственной природе они не являются манифестацией консенсуса.

Означает ли это, что характер, свойственный отношениям власти, имеет общий вектор с насилием, каковое есть примитивная форма, перманентная тайна и крайнее средство власти — а в конечном счете проявляется как ее истина, когда власть принуждают сбросить маску и показать свое подлинное лицо? Фактически отношения власти определяются образом действия, воздействующим на других не прямо и непосредственно, но через их действия. Воздействия на действие, на актуальные или вероятные действия — будущие или настоящие. Отношения насилия воздействуют на тела, на вещи: они принуждают, смиряют, ломают, разрушают; они перекрывают всяческие возможности; следовательно, им соответствует лишь один противоположный полюс, полюс пассивности; если же отношения насилия встречаются с сопротивлением, то у них не бывает другого выбора, кроме попытки уменьшить сопротивление. Отношения же власти организуются согласно двум требованиям, необходимым для того, чтобы они были именно отношениями власти: «другого» (того, кто испытывает на себе власть) должно признавать и сохранять до конца в качестве субъекта действия; перед отношениями власти должно открываться целое поле возможных ответов, реакций, последствий, изобретений.

Реализация отношений власти, очевидно, столь же совместима с применением насилия, сколь и с достижением согласия; пожалуй, никакое осуществление власти не может обойтись либо без первого, либо без второго, а зачастую без обоих сразу. Но если и насилие, и согласие представляют собой орудия или следствия власти, то они не образуют ни ее принципа, ни ее природы. Конечно же, осуществление власти можно сколько угодно принимать или не принимать: власть может нагромождать трупы либо скрываться за всевозможными угрозами. Но сама по себе власть не есть ни насилие, которое может иногда

скрываться, ни согласие, которое имплицитно возобновляется. Власть есть множество воздействий на возможные действия: она работает в поле возможностей, куда вписывается поведение действующих субъектов: власть побуждает, стимулирует, отговаривает, облегчает или усложняет, расширяет или ограничивает, делает более или менее вероятным; в предельном случае власть принуждает или препятствует абсолютно; но в любом случае власть является способом воздействия на одного или нескольких действующих субъектов — да и то, пока субъекты действуют или в состоянии действовать. Итак, воздействие на действие.

Термин «поведение» даже при всей его двусмысленности 7 — возможно, один из тех, что позволяют лучше других уловить все специфическое в отношениях власти. «Conduite» есть сразу и акт «ведения» других (согласно более или менее строгим механизмам принуждения), и способ вести себя в более или менее открытом поле возможностей. Осуществление власти состоит в «сопровождении поведения» [conduite des conduites] и в приспособлении к вероятностям. Власть — по сути дела — принадлежит не столько к порядку столкновения двух противников или к обязательствам одного по отношению к другому, сколько к порядку управления [gouvernement]. Это слово мы берем в очень широком значении, которое оно имело в XVI в. Оно соотносилось не только с политическими структурами и с управлением государствами; оно обозначало и способ управления поведением индивидов или групп: управление детьми, душами, сообществами, семьями, больными. Это понятие покрывало не только установленные и легитимные формы политического или экономического подчинения, но и более или менее продуманные и рассчитанные способы действия; задача их всех — воздействовать на возможности действия других индивидов. «Управлять» в этом смысле означает структурировать возможное поле действия других. Следовательно, свойственный власти режим отношений необходимо искать не рядом с насилием и борьбой, не в сфере договоров и добровольных связей (все это может быть самое большее — инструментами), но в области того не военного и не юридического режима действий, каким является управление, правительство.

Когда мы определяем осуществление власти как способ воздействия на действия других, когда мы характеризуем все это как «управление» одних людей другими — в самом широком смысле слова, — мы включаем сюда один важный элемент: элемент свободы. Власть осуществляется только над «свободными» субъектами и лишь постольку, поскольку они «свободны» — под этим мы имеем в виду индивидуальных или коллективных субъектов, перед которыми открывается некое поле возможностей, где могут иметь место разнообразные виды руководства, реакций и поведения. Отношений власти нет при избыточной детерминации: рабство относится к отношениям власти не тогда, когда человек находится в оковах (в этом случае речь идет о физических отношениях принуждения), но как раз если он может перемещаться и в предельном случае спастись бегством. Следовательно, между властью и свободой не существует отношений противостояния или же взаимоисключающих отношений (повсюду, где осуществляется власть, свобода исчезает); нет, взаимодействие между ними гораздо сложнее: в этом взаимодействии свобода порою предстает как условие существования власти (одновременно и как ее предварительное условие, поскольку для того, чтобы осуществлялась власть, необходима свобода, и как ее перманентная опора: ведь если бы свобода совершенно избегала осуществляемой над ней власти, то исчезла бы и власть и ей бы пришлось искать себе

замену в насильственном принуждении); но свобода предстает еще и в виде того, что может только сопротивляться осуществлению власти, которая стремится в конечном итоге полностью детерминировать свободу.

Следовательно, власть и непокорность свободы неотделимы. Центральная проблема власти — не проблема «добровольного рабства» (как мы можем желать сделаться рабами?): в самом средостении власти ей непрестанно бросают вызов строптивость воли и непереходный характер свободы. Здесь следует говорить не столько об «антагонизме», сколько о некоем «агонизме» — об отношениях одновременно как спора и взаимного возбуждения, так и борьбы; не столько о лобовой оппозиции, которая при их столкновении блокировала бы как власть так и свободу, сколько о непрерывном их взаимном провоцировании.

3. Как анализировать отношения власти ?

Возможно, т. е. вполне закономерно анализировать отношения власти во вполне определенных институтах; ведь последние можно сравнить с обсерваторией, удобной для того, чтобы постигать их во всем их разнообразии — концентрированными, приведенными в порядок и, похоже, доведенными до наивысшей степени эффективности; именно тут — в первом приближении — мы можем увидеть, как проявятся форма и логика их элементарных механизмов. И все-таки анализ отношений власти в замкнутых институциональных пространствах связан с известным количеством неудобств. Прежде всего, тот факт, что важная часть механизмов, задействованных тем или иным институтом, предназначена для обеспечения его собственного сохранения, — приводит к риску обнаружения, прежде всего во «внутриинституциональных» отношениях власти, сугубо репродуктивных функций. Во-вторых, анализируя отношения власти исходя из институтов, мы рискуем отыскать в институтах объяснение и исток отношений власти, т. е. в общем, объяснить власть через власть. Наконец, поскольку институты действуют, в основном, пользуясь двумя элементами — правилами (эксплицитными или молчаливо принятыми) и неким аппаратом, — мы подвергаемся риску наделить один или другой элемент чрезмерными привилегиями в отношениях власти, и, следовательно, увидеть в последних лишь модуляции закона и принуждения.

Речь идет не об отрицании институтов в структуре отношений власти. Речь, скорее, идет о том, что институты следует анализировать, исходя из отношений власти, а не наоборот, — и о том, что основной пункт укоренения отношений власти, даже если они оформляются и кристаллизуются в некоем институте, следует искать за его пределами.

Снова поговорим об определении, согласно которому осуществление власти для одних представляет собой способ структурирования поля возможного действия других. Тем самым характерная черта отношений власти заключается в том, что они являются способом воздействия на действия. Это означает, что отношения власти глубоко укоренены в социальных связях, а также то, что они не образуют какой-то дополнительной структуры поверх общества, о радикальном упразднении которой можно мечтать. Жить в обществе в любом случае означает жить так, чтобы одни могли бы воздействовать на действия других. Общество «без отношений власти» может быть лишь абстракцией. А это — скажем

мимоходом — делает политически тем более необходимым анализ отношений власти именно в конкретных обществах, делает необходимым анализ их исторического формирования, того, что придает им стабильность или нестабильность, анализ условий, необходимых для того, чтобы преобразовывать одни и упразднять другие. Ведь сказать, что не бывает обществ без отношений власти, не означает ни того, что данные нам отношения власти необходимы, ни того, что в любом случае власть образует в средоточии обществ некую неустранимую фатальность; но это означает, что анализ, совершенствование, постановка под сомнение отношений власти, а также «агонизм» между отношениями власти и нетранзитивностью свободы представляют собой непрерывно стоящую перед нами политическую задачу; это также означает, что тут и заключается политическая задача, внутренне присущая всякой социальной жизни.

Говоря конкретно, анализ отношений власти требует, чтобы мы установили некоторую систему координат.

1) Систему дифференциаций, позволяющих воздействовать на действия других: юридические или традиционные различия в статусе и привилегиях; экономические различия в присвоении богатств и имущества; различия по месту в процессе производства; языковые или культурные различия; различия в ноу-хау и компетенциях и пр. Во всяких отношениях власти задействованы дифференциации, являющиеся для них сразу и условиями, и следствиями.

2) Тип целей, преследуемых теми, кто воздействует на действия других: сохранение привилегий, накопление прибылей, задействование статусной власти, проявление соответствующей функции или ремесла.

3) Инструментальные модальности: они зависят от того, осуществляется ли власть угрозой оружия, силой слова, с помощью более или менее сложных механизмов контроля, посредством систем надзора, с архивами или без, по эксплицитным правилам или нет, по правилам перманентным или подлежащим модификациям, с помощью материальных средств или без них и т. д.

4) Формы институционализации: в них могут сочетаться традиционные диспозитивы, юридические структуры, обычаи и моды (как мы их видим в тех отношениях власти, которые пронизывают институт семьи); формы институционализации могут также принять вид замкнутого в себе диспозитива со специфическими местами, с собственными регламентами, с тщательно спланированными иерархическими структурами и с относительной функциональной автономией (в образовательных или военных институтах); они могут также формировать весьма сложные системы, снабженные многочисленными аппаратами, если речь идет о государстве, функция которого — образовывать общую оболочку, инстанцию глобального контроля, принцип регуляции и в определенной мере также — распределение всех отношений власти в конкретных социумах.

5) Степени рационализации: дело в том, что развертывание отношений власти как действия в определенном поле возможностей может быть более или менее разработанным в зависимости от эффективности инструментов и непреложности результата (более или

менее изощренные технологические приемы при осуществлении власти), или же в зависимости от возможной «стоимости» (речь может идти об экономической «стоимости» задействованных средств либо о «стоимости» встречного сопротивления). Осуществление власти — не просто факт как таковой, не институциональная данность, а также не какая-то сохраняющаяся или нарушающаяся структура: оно совершенствуется, преобразуется, организуется, наделяется более или менее четко функционирующими процедурами.

Мы видим, почему анализ отношений власти в том или ином обществе не может сводиться к изучению ряда институтов и даже к изучению всевозможных институтов, заслуживающих называться «политическими». Отношения власти укоренены в социальной сети. Однако же это не означает, что существует некий принцип первичной и основополагающей власти, господствующей целиком во всем обществе; но это означает, что, исходя из этой возможности воздействия на действия других, равнообъемной любым социальным отношениям, разнообразные формы индивидуального неравенства, целей, инструментария, воздействующего на нас и на других, более или менее частичной или же глобальной институционализации, более или менее продуманной организации обуславливают более или менее разнообразные формы власти. Формы и места, в которых одни люди «управляют» другими, во всяком обществе многочисленны; они наслаиваются друг на друга, друг с другом пересекаются, ограничивают друг друга, порою друг друга устраняют, а в прочих случаях усиливают друг друга. Несомненный факт, что государство в современных обществах — не просто одна из форм или одно из мест (пусть даже важнейшее) осуществления власти, но и то, что все остальные типы отношений власти определенным образом соотносятся с государством. Но происходит это не потому, что каждый тип отношений власти является производным от государства, а скорее потому, что имеет место непрерывная этатизация отношений власти (хотя она наделена разными формами в педагогическом, юридическом, экономическом и семейном порядках). Ссылаясь на ограниченное в этом смысле значение слова «правительство», мы можем сказать, что отношения власти постепенно становятся все более правительственными, т. е. разработанными, рационализированными и централизованными в форме или под поручительство государственных институтов.

4. Отношения власти и стратегические отношения

Слово «стратегия», как правило, употребляется в трех смыслах. Прежде всего, чтобы обозначить выбор средств, используемых для достижения конкретной цели; речь идет о рациональности, используемой для достижения цели. Во-вторых, для обозначения способа, каким некий партнер в данной игре действует в зависимости от того, в чем именно, по его мнению, заключается действие других, — и от того, что, по его оценке, другие думают о его действии; в общем, способа, каким мы пытаемся воздействовать на других. Наконец, этим обозначается совокупность методов, используемых в столкновениях, имеющих целью лишить противника средств ведения боя и вынудить его отказаться от борьбы; значит, речь идет о средствах, предназначенных для того, чтобы одержать победу. Эти три значения объединяются между собой в ситуациях столкновения — войны или игры, — когда цель в том, чтобы воздействовать на противника так, чтобы борьба для него стала невозможной. В таких случаях стратегия определяется выбором «выигрывающих» решений. Но следует не упускать из виду, что речь здесь идет о весьма определенном типе ситуации и что

существуют и другие ситуации, когда надо сохранять различие между разными смыслами слова «стратегия».

Ссылаясь на первый из указанных смыслов, «стратегией власти» можно назвать совокупность средств, задействуемых для того, чтобы вызвать функционирование или сохранить некий диспозитив власти. О стратегии, присущей отношениям власти, можно также говорить в той мере, в какой последние образуют способы воздействия на действие возможное, вероятное, предполагаемое другими. Следовательно, под терминами «стратегий» можно обнаружить механизмы, используемые в отношениях власти. Но наиболее важный вопрос — взаимосвязь между отношениями власти и стратегиями конфликта. Ведь если справедливо, что в средоточии отношений власти в качестве перманентного условия их существования располагаются «непокорность» и строптивость свободы, то нет отношений власти без сопротивления, без уловок и возможности бегства, без вероятности переворачивания этих отношений; значит, всякие отношения власти, по меньшей мере виртуально, имеют в виду некую стратегию борьбы — и при этом им не удастся налагаться друг на друга, утрачивать свою специфичность и в конечном счете сливаться воедино. Они образуют друг для друга своего рода перманентный предел, точку возможного оборачивания. Отношения конфликта прекращаются, доходя до своей конечной точки (и до победы одного из противников), как только игра антагонистических реакций заменяется стабильными механизмами, с помощью которых некто может с достаточными постоянством и непрерывностью «сопровождать» поведение других; в центре внимания конфликтных отношений, когда те не сопряжены с борьбой не на жизнь, а на смерть, оказывается фиксация отношений власти — одновременно и завершение, и приостановка их. И наоборот, для отношений власти стратегия борьбы тоже представляет собой некую границу: ту, где рассчитанная индукция поведения других уже не может выходить за пределы возражения на их собственное действие. Поскольку отношений власти не бывает без каких-то точек непокорности, которые по определению от них ускользают, то всякая интенсификация, всякое расширение отношений власти с целью подчинить эти точки может происходить лишь у пределов осуществления власти; в таких случаях власть стремится либо к такому типу действия, который обрекает другого на полную немощь (осуществление власти заменяется «победой» над противником), либо на «перелицовку» управляемых и на превращение их в противников. По существу, всякая стратегия конфликта мечтает стать отношениями власти; а всякие отношения власти, как если они следуют собственной линии развития, так и если они наталкиваются на фронтальное сопротивление, склонны к тому, чтобы становиться стратегией победы.

В сущности, для отношений власти и стратегий борьбы характерны взаимный зов, трудноопределимые сцепления и перманентное перевертывание. В любой момент отношения власти могут стать — а иногда и становятся — столкновением между противниками. Также в любой момент отношения враждебности в обществе дают повод для задействования механизмов власти. Следовательно, перед нами повод для нестабильности, способствующей тому, что одни и те же процессы, события и преобразования могут обнаруживаться как в истории разновидностей борьбы, так и в истории отношений и диспозитивов власти. Ни означающие элементы, ни цепи (в которые выстраиваются борьба и отношения власти), ни типы понятности не будут одинаковыми, хотя они и будут соотноситься с одной и той же исторической тканью и хотя каждая из двух разновидностей анализа должна была бы отсылать к другой. И как раз интерференция двух типов прочтения

приводит к возникновению тех основополагающих феноменов «господства», какие обнаруживаются в истории значительной части человеческих обществ. Господство — это глобальная структура власти, смыслы и последствия которой можно найти даже в самой разреженной ткани общества; но в то же время господство — это стратегическая ситуация, в большей или меньшей степени достигнутая при долгосрочном историческом столкновении между противниками. Вполне может случиться, что конкретный факт господства будет всего лишь вписыванием одного из механизмов власти — отношений конфликта и его последствий (когда политическая структура является производной от нашествия, вторжения); может случиться и так, что отношения борьбы между двумя противниками станут следствием развития отношений власти — с конфликтами и разрывами, вызываемыми этим развитием. Но господство некоей группы, касты или какого-то класса, а также сопротивления и бунты, на которые оно наталкивается, превращается в центральный феномен в истории обществ тогда, когда такое господство и такое сопротивление в глобальной и массивной форме, в масштабе социального тела, взятого в целом, производят сцепление отношений власти со стратегическими отношениями и взаимно приводят их в движение.

Версия #2

Зверобой создал 1 февраля 2026 01:50:48

Зверобой обновил 1 февраля 2026 22:46:43